

Се Шигуань вернулся в поместье уже глубокой ночью. Внутренние и внешние покои давно погрузились в темноту. Отослав прислугу, он в одиночестве зашагал по галерее.

Ночное небо, словно пропитанное чернилами, изредка прорезал холодный лунный свет. Зимний ветер поднимал снежную крупу, которая то и дело касалась пурпурного чиновничьего халата Се Шигуаня, оставляя на подоле влажные следы. Он не уклонялся от снега, напротив, вдыхал его морозный аромат, неспешно направляясь к своим покоям.

Однако, проходя мимо небольшого дворика, примыкавшего к спальне, Се Шигуань внезапно почувствовал неладное.

Свет.

Зачем в такой поздний час, в третью стражу, в покоях Шэнь Цюэ горит свет?

Этот тусклый, едва заметный огонек был так неприметен, что, если бы не исключительное ночное зрение князя, он ни за что бы его не заметил. Се Шигуань бесшумно ступал по снегу, приближаясь к дворику. Заглянув через резное окно из черного дерева, встроенное в ограду, князь смутно различил человеческую фигуру.

Во дворе огней не зажигали. Свет исходил от угольной жаровни, на которой стоял большой оловянный чайник, исходивший густым паром. Человек, слегка согнувшись, внес в комнату ведро с водой.

Кожа Шэнь Цюэ не отличалась особой белизной, а под ней проступал лишь тонкий слой жестких, натруженных мышц. Такая фигура не была в княжеском вкусе.

Значит, собрался обмыться... Но Се Шигуаня все же грызло недоумение. В поместье имелась специальная купальня для приближенных и личной охраны. Шэнь Цюэ, будучи старшим телохранителем — вторым по рангу после Шэнь Сянчжи, — мог в любой момент отправиться туда, призвать слуг и прислужниц для помощи. Зачем же было запирается в своем дворе и раз за разом греть воду в одиночку?

Се Шигуань грациозно перемахнул через стену, затем, опираясь на стоявший у дома чан с водой, взобрался на крышу. Все эти движения он совершил с безупречной легкостью. Опустившись на черепицу, он замер, и лишь легкий шорох тут же утонул в порывах ветра.

Князь, не краснея и не смущаясь, присел, осторожно поддел пальцами край черепицы и через образовавшуюся щель с любопытством уставился на того, кто был внизу.

В лютый мороз, посреди ночи, зачем этот немой прячется в своем дворе, чтобы греть воду?

Только он задался этим вопросом, как человек внизу, не ожидая подвоха, сбросил верхний

халат, а следом за ним — короткую куртку, нательную рубаху и нижнее белье.

Взгляд Се Шигуаня потяжелел. Он пристально, с глубоким смыслом, следил за полупрофилем человека, купающегося в свете свечи.

Внизу Шэнь Цюэ, словно почувствовав недоброе, резко вскинул голову и посмотрел на потолочные балки.

В этот самый момент порыв ветра разогнал тучи, и на небе на краткий миг показалась половина луны. Холодный, мертвенный свет пролился вниз, проникая через щель в черепице.

Обычно люди, подглядывая, дрожат от страха, но только не Се Шигуань — он был воплощением невозмутимости. Видя, как Шэнь Цюэ разделся донага, он не отвел глаз ни на мгновение.

Он не ошибся. Хотя Се Шигуань ловко вернул черепицу на место, Шэнь Цюэ успел его заметить.

Наспех натянув чистую одежду, Шэнь Цюэ тут же распахнул дверь, чтобы осмотреться.

Он служил при нем верой и правдой больше десяти лет, и все же князь не заметил в нем ничего подозрительного.

Се Шигуань не ошибся: он был падок на мужскую красоту, но всегда предпочитал утонченность — как в теле, так и в нраве, во всем должна была быть мягкость.

Князь, не меняясь в лице, наблюдал, как тот обмывает тело сверху донизу. Шрамы от плетей на спине уже покрылись коркой, напоминая запекшиеся пятна густой туши, и зрелище это вызывало странный зуд в душе.

Поначалу Се Шигуань подумал, что ему почудилось. В комнате было слишком темно, и ему пришлось прищуриться, чуть не вывихнув глаза, чтобы наконец разглядеть правду.

Что это... такое?

Даже Янь-ван, считавший себя искушенным во всем, на мгновение ошеломлен. В комнате горели лишь две низкие свечи, едва освещая пространство в несколько шагов.

Телесное устройство Шэнь Цюэ действительно было не таким, как у обычных людей.

Пока он медлил, вор на крыше давно исчез. Шэнь Цюэ, сдерживая бешеный стук сердца и

сжимая рукоять кривого ножа, обыскал весь двор, но нашел лишь цепочку следов на снегу, которые кто-то предусмотрительно затер.

Даже следы догадался спрятать. Этот человек наверняка был уверен, что он не осмелится выскочить нагишом в погоню.

Он точно всё видел, — с досадой подумал Шэнь Цюэ. — Как же я мог ничего не почувствовать?

Этот человек свободно разгуливал по внутренней части поместья и явно был обучен боевым искусствам. Скорее всего, это был либо тайный агент князя, либо такой же телохранитель. Он помнил, что у князя были и служанки, владевшие оружием, но Шэнь Цюэ никогда не сражался с ними и не знал их истинной силы, хотя подозревал, что она немала.

Что делать?

Кто бы это ни был, если он донесет о его тайне князю, что... что сделает с ним Его Высочество?

Он невольно вспомнил одного очень красивого юношу из прислуги, который одно время был в большой милости у князя. Но удача длилась недолго: однажды, выходя из поместья, он не уследил за лошадьми, и те ударили его копытом. Жизнь ему сохранили, но он остался хромым.

Стоило ему только захромать, как Се Шигуань приказал Шэнь Сянчжи выставить его вон.

А ведь он сам, будучи правой рукой Се Шигуаня все эти годы, знал слишком много княжеских тайн. Скорее всего, его даже не вышвырнут — его убьют.

Он умрет. Непременно умрет.

Столько лет он рисковал жизнью ради Янь-вана, не раз выбираясь из пасти смерти, и уже не боялся умереть. Но он боялся, что Се Шигуань посмотрит на него с тем же отвращением, как смотрят на уроды.

Пусть кто угодно смотрит на него как хочет, но только не Се Шигуань...

Князь, его господин.

Его охватил такой ужас, что он задрожал, стоя посреди снега. Щеки и губы мгновенно утратили краску, и он выглядел даже слабее, чем в тот день, когда его подвергли наказанию.

*

На следующее утро небо прояснилось.

Шэнь Цюэ всю ночь ворочался на кровати. Он не мог уснуть, представляя, как доносчик тысячу раз раскрывает его секрет, а Се Шигуань тысячу раз казнит его.

Поэтому, когда рано утром его вызвали к князю, у Шэнь Цюэ от страха подкосились ноги.

— Его Высочество сказал, зачем я ему нужен? — жестами спросил Шэнь Цюэ у незнакомого слуги.

Тот посмотрел на него равнодушно и, увидев знаки, лишь покачал головой:

— Не нужно жестикулировать, я не понимаю. Его Высочество лишь велел мне привести вас, больше ничего не говорил.

Он не знал языка жестов, но случайно ответил именно на тот вопрос, который мучил Шэнь Цюэ.

Шэнь Цюэ пришлось накинуть халат и, дрожа от страха, последовать за слугой в покои Янь-вана.

Внутри курилась ароматическая горелка, наполняя воздух густым запахом сандала с легкой примесью мускуса — привычный для Шэнь Цюэ мягкий древесный аромат, от которого становилось лениво и спокойно.

Но сейчас Шэнь Цюэ не мог расслабиться. Чем дальше он шел, тем быстрее билось его сердце, а в тот момент, когда он увидел Се Шигуаня, ему показалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Может быть, в следующую секунду Его Высочество прикажет сорвать с него одежды и выставить его тайное увечье на всеобщее обозрение?

От одной этой мысли он был готов разрыдаться.

В это же время князь, окруженный служанками, которые помогали ему одеваться, внезапно повернул голову. Его взгляд на мгновение задержался на нем, и он произнес небрежно:

— Шэнь Цюэ.

Этот голос вырвал Шэнь Цюэ из кошмара.

Он ответил жестами:

— Ваше Высочество.

— Чего застыл? Отдохнул пару дней и разучился прислуживать?

Шэнь Цюэ поспешно подошел, принял из рук служанки нефритовый пояс и привычно, сноровисто закрепил его на талии Се Шигуаня.

Склонившись у него за спиной, он видел лишь макушку князя, черные как смоль волосы, отливающие шелком в ярком свете свечей, а затем — покрасневшие до самых кончиков уши.

Се Шигуань, решив подшутить, внезапно протянул руку и кончиками пальцев коснулся его ушной раковины. Шэнь Цюэ вздрогнул и в изумлении уставился на него.

Князь, не краснея, произнес:

— У тебя уши горят.

Шэнь Цюэ поспешно коснулся ушей — они и правда были горячими, словно в огне. Он быстро прожестикуюлировал:

— Должно быть, от жара в покоях.

Се Шигуань лишь улыбнулся, ничего не ответив.

В следующую минуту Шэнь Сянчжи постучал в дверной косяк, напоминая:

— Ваше Высочество, паланкин готов.

Се Шигуань двинулся вперед. Проходя мимо Шэнь Цюэ, он на мгновение замедлил шаг и спросил, делая вид, что не знает ответа:

— Раны зажили?

Шэнь Цюэ поспешно кивнул.

— Раз зажили, сегодня на утреннем приеме будешь сопровождать меня.

Даже когда он проводил Се Шигуаня к подножию длинной лестницы, Шэнь Цюэ все еще обдумывал его слова. Но как он ни старался, не мог заметить в поведении князя ничего необычного.

Разве что он сказал ему чуть больше слов, чем обычно, и не было ни капли той холодности, которая могла бы возникнуть после долгой разлуки.

Похоже, вор еще не донес на него Его Высочеству.

Несмотря на этот вывод, Шэнь Цюэ не мог успокоиться. Если этот человек не раскрыл его сейчас, это не значит, что он не сделает этого позже. Он не знал, кто это, зато тот знал о нем всё.

Существование этого человека было подобно пороховой бочке, зарытой неизвестно где, в то время как он сам был окружен огнем и не мог ступить ни шагу.

Он поднял голову к небу над императорским городом. Облака рассеялись, снег перестал идти, небо стало пронзительно синим, а солнце — ослепительно ярким.

Се Шигуань в пурпурном придворном халате поднимался по ступеням, прямой, словно сосна, и выглядел заметнее любого другого человека.

Он действительно предпочел бы умереть, чем позволить Се Шигуаню узнать о его тайном недуге, о котором он никогда не осмелится произнести ни слова.

<http://bllate.org/book/19999/1972158>